

И. СОБИЕВ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АКАДЕМИКЕ ВСЕВОЛОДЕ ФЕДОРОВИЧЕ МИЛЛЕРЕ ПО СЛУЧАЮ СТОЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕГО (1848–1948)

В моей памяти, как нечто отдаленное, не совсем ясное, рисуется картина нашего нихаса, на котором присутствовали какие-то необычайные гости слушать нашего всеми любимого сказителя и певца нартовских и других сказаний слепца Дзараха. Конечно, я тогда не мог дать себе отчета о том, что это могли быть профессора Всеволод Федорович Миллер и Максим Максимович Ковалевский, а теперь мне представляется, что это могли быть именно они. Это в таком случае могло быть или в 1883 году или в 1886 году, когда Всеволод Федорович приезжал в Осетию с археологическими целями.

Конечно, главный интерес мой составляли не столько профессора, об учености которых в народе ходили баснословные слухи, а наш любимый певец Дзарах. Этот Дзарах Саулаев был почти неизменным и частым посетителем нашего нихаса, расположенного на перекрестке улиц. Всегда, когда этот талантливый сказитель появлялся на нашем нихасе, сейчас же он заполнялся народом, как взрослыми, так и малышами. Обычно это происходило по вечерам, когда народ возвращался с работ или по праздничным дням. Я был неизменным посетителем этих вечеров и научился в Дзараха любить наши сказания. Вместе с Миллером и Ковалевским был и Губади Туккаев. Дзарах обычно не рассказывал сказа-

ния, а распевал их под аккомпанемент скрипки. Во время игры Дзарах преобладался. Его всегда доброе лицо, побитое сильно оспой (отчего он и ослеп) во время игры особенно одухотворялось. Приятно и в то же время тяжело было смотреть на него.

Я тогда, конечно, не мог думать о том, что я впоследствии буду близко знаком с В.Ф. Миллером.

В 1895 году я, уже будучи учеником 7 класса Владикавказского реального училища, познакомился впервые с Осетинскими этюдами Всеволода Федоровича. Мне захотелось иметь их, как личную собственность и поэтому осмелился написать Всеволоду Федоровичу письмо, чтобы он выслал их мне. Миллер немедленно выслал мне все три части этюдов бесплатно. Кажется, я не помню более радостной минуты в своей жизни, чем ту, когда я их получил. Я хранил их долгое время, как реликвию, хранил даже коленкорную обертку.

Ознакомившись с ними, я решил во что бы то ни стало по окончании реального училища попасть в Москву и лично познакомиться с Миллером. И, действительно, судьба мне улыбнулась. На мое счастье попечитель Кавказского учебного округа Яновский, объезжая свой округ случился у нас на выпускном экзамене и за отличные успехи объявил мне, что он назначает

мне Кавказскую стипендию в Московское Высшее Техническое училище по выдержании конкурсных экзаменов.

В 1896 году я в Москве. Держу конкурсный экзамен. Выдерживаю вне конкурса. Я студент МВТУ и немедленно являюсь к В.Ф. Миллеру, — до результатов конкурсных экзаменов мне не хотелось являться к Всеволоду Федоровичу.

Всеволод Федорович Миллер принял меня очень ласково в своей библиотечной комнате, в той самой комнате, в которой затем в продолжении почти пяти лет приходилось работать вместе с ним по обработке его осетино-русско-немецкого словаря и по переводам многих осетинских сказаний.

Когда он узнал, что я из Христианского селения, он вспомнил покойного уже тогда Габуди Туккати (умер в 1890 г.), который был также уроженцем Христианского селения и первым получившим высшее образование дигорцем. Он отзывался о Габуди Туккати как о талантливом молодом человеке и очень жалел, что он так рано погиб. Миллер потом, при повторных встречах, передал мне некоторые, оставшиеся у него рукописи Г. Туккати на осетинском языке (Руймон, Авдæнбæттæн, Биттир), которые потом были изданы в 1902 году в «Дигорских сказаниях». Передал он мне также две тетради с осетинскими словами на буквы М, Н, П, П, Р, С, написанные, как значится на обложке, еще с августа 21 числа 1887 года (кем написаны неизвестно).

Для составления своего словаря Миллер рассылал разным лицам буквы, на которые он просил написать все осетинские слова и присылать их ему. Имевшиеся у меня тетради, очевидно, из этих тетрадей. Как мне Всеволод

Федорович говорил, он свой словарь послал на проверку кому-то, но тот растерял часть словаря, вследствие чего он до моего приезда уже не занимался ни словарем, ни вообще осетинским языком.

При первой же встрече я повел разговор с Всеволодом Федоровичем о том, какие побуждения меня привели в Москву и предложил ему свои услуги в качестве переводчика и толкователя осетинских слов и языка. Всеволод Федорович заявил, что он уже забыл осетинский язык и что он занят сейчас другими работами. После моих повторных посещений и просьб он согласился заняться опять осетинским языком и я затем примерно один раз в неделю, обычно в воскресный день, приходил к нему и помогал ему в его работах по словарю и другим возникавшим вопросам. Всеволод Федорович делал поразительные успехи и быстро восстановил свои знания в осетинском языке. Зная корень слова, он без малейшего затруднения получил все производные от него слова. Он одинаково хорошо знал особенности всех трех диалектов осетинского языка. Из всех трех диалектов, дигорский диалект считал наиболее архаичным. Наша работа сначала была сосредоточена на просмотре карточек его осетино-русско-немецкого словаря.

Кроме проверки словаря, Всеволод Федорович занимался переводами сказаний для усиления своих знаний в осетинском языке и переписывал своей транскрипцией разные сказания и песни для «Дигорских сказаний». Его транскрипция от тогдашней нашей отличалась буквой æ, над которой он ставил две точки и произносил ее с большим акцентом на э.

Всеволод Федорович отличался поразительной работоспособностью. Он одновременно с осетинским языком занимался и татским языком и русскими былинами и др.

Работал он всегда в своей библиотеке. Библиотека его была большая. Насколько мне помнится, все стены его комнаты-библиотеки заняты были до самого почти потолка книгами. Посередине у него было поворачивающееся кресло с пюпитром для чтения.

Из его библиотеки, в числе других книг, я имел возможность получить книгу Моисея Хоренского, откуда я узнал много интересного об осетинах-аланах. Всеволод Федорович подарил мне из своей библиотеки брошюру Кулаковского относительно Заланчукского надмогильного камня с надписью на дигорском диалекте осетинского языка и с увлечением рассказывал о древнем расселении осетин.

Посещая часто заседания археологического и этнографического общества Всеволод Федорович предложил мне вступить в члены этнографического общества, но для вступления в члены требовалось представление какой-нибудь работы по этнографии, и вот я на каникулах 1898 года во время своего путешествия по Дигорскому ущелью занялся исследованием святилища-пещеры «Дигоры изади лæгæт». По прибытии в Москву после каникул Всеволод Федорович предложил мне выступить с докладом на заседании этнографического общества. Мой доклад предварительно был просмотрен Всеволодом Федоровичем. Помню, как я стеснялся и как меня подбадривал Всеволод Федорович и просил не волноваться. На заседании общества присутствовали профессора, — Анучин,

Кори, Штакельберг (автор осетинского синтаксиса), П.С. Уварова, Крымский, тогда еще молодой человек, но уже известный арабист и многие другие, со многими из которых я был знаком через Всеволода Федоровича, в особенности со Штакельбергом, которого я часто встречал у Всеволода Федоровича.

Однажды я после каникул привез с собою свою фамильную папку с большой надписью на латинском языке. Всеволод Федорович пробовал разобрать надпись, но у него ничего не выходило, — многие буквы были сильно потерты. В это время в библиотеку заходит Штакельберг, берет папку и быстро прочитал надпись. Оказалась на папке латинская пословица, — и т.д. (кажется).

В связи с моим докладом в этнографическом обществе П.С.Уварова предложила мне поехать с ней в дигорское ущелье, кажется, в 1899 году, но поездка моя не состоялась вследствие моей занятости на каникулах.

Работа по проверке словаря навела меня на мысль составления дигорского словаря, т.к. словарь Миллера тогда был почти целиком иронский, в нем отсутствовали почти все дигорские слова.

С благословения Всеволода Федоровича я в течение 1897-1904 г. с перерывами оставлял дигорский словарь и собрал до 8000 слов. Часть (18 букв) была закончена на карточках, остальная часть, хотя и была переписана на карточки, но не была закончена и в таком виде словарь был сдан Северо-Осетинскому НИИ. Весь материал для «Дигорских сказаний», за исключением рукописей Габуди Туккаева, передан был Всеволодом Федоровичем

мне в Москве (записи Муха Гарданова и часть моих записей). Между прочим, Всеволод Федорович предлагал мне записи мои напечатать в трудах Московского Университета, но я их не дал, предлагая издать их отдельной книгой. Впоследствии в 1901 году, когда я видел, что я не смогу их сам издать, письмом из Пятигорска просил Всеволода Федоровича включить их в «Дигорские сказания» и даже выслал их ему, но уже было поздно, так как материалы для «Дигорских сказаний» был подготовлен к изданию и поэтому Всеволод Федорович выслал мне их обратно в Пятигорск, где я тогда отбывал воинскую повинность по окончании курса в МВТУ. По согласованию с Миллером я переписал лишь одно сказание «Азнаури кадæнгæ» его транскрипцией с переводом на русский язык и выслал его. Таким образом, это сказание вошло в «Дигорские сказания» вместе с двумя моими записями песен, — «Хъара Асланбег» и «Дигори фийаути зар», которые были подготовлены к изданию целиком Всеволодом Федоровичем.

В 1901 году, в год моего окончания курса в МВТУ была всероссийская студенческая забастовка. В первый день забастовки я был у Всеволода Федоровича, и когда он узнал, что я принимаю участие в забастовке и демонстрации и что для этого иду на Трубную площадь, он удерживал меня, советовал мне не принимать участия в демонстрации, т.к. могут меня уволить, а то и арестовать и что тогда все пропало (я кончал курс). На следующий день я опять был у Всеволода Федоровича и он мне рассказал что у него вчера пропал один из сыновей (кажется младший) и что в конце он сам его нашел под арестом в

Манеже, куда были загнаны студенты жандармами. Ему с трудом удалось его освободить и увести домой.

В 1901 году В.Ф. Миллер вместе со всей своей семьей, и я вместе с ними, приехал во Владикавказ. Основная цель поездки во Владикавказ состояла в том, чтобы вручить лично свой словарь для проверки Гаппо Баеву и Александру Кубалову. Всеволод Федорович очень тревожился за судьбу своего словаря и поэтому он сам лично передал его указанным лицам, причем рассказал им о судьбе своего первого словаря. Затем через несколько дней Миллеры переехали в Алагир на дачу и все лето провели там. Его сыновья приходили ко мне в Христианское селение в гости, а через некоторое время я вместе с Михаилом и Муха Гардановыми посетили Всеволода Федоровича в Алагире. Он вышел к нам и на дигорском языке «Медама» пригласил нас.

Опасения Всеволода Федоровича за судьбу своего словаря, над которым он поработал более 20 лет (1880-1901) были не напрасны: ему так и не удалось увидеть издания своего словаря, и мне это очень больно, так как я хорошо помню, как это ему хотелось. Об опасениях за судьбу своего словаря Миллер писал мне в 1903 или 1904 году. Когда уже работал в Тифлисе на железной дороге. Туда же он выслал мне 15 экземпляров «Дигорских сказаний», уже вышедших к тому времени.

Он умер. Он крепко любил даровитый, по его выражению, осетинский народ, и правы члены его семьи, которые прислали ответное письмо на посланный им протокол траурного заседания Совета Кавказского Института Краеведения совместно с Осетинским Исто-

рико-Филологическим обществом, состоявшегося во Владикавказе 16 марта 1924 года, в котором пишут:

Копия.

*«Директору Северо-Кавказского
Института Краеведения
Уважаемый т. Директор.*

Примите нашу искреннюю благодарность за сообщение нам протокола заседания Совета Кавказского Института Краеведения и Осетинского Историко-Филологического общества 16 марта 1924 года в память академика Всеволода Федоровича Миллера.

Почти сорок лет своей кипучей научной деятельности покойный Всеволод Федорович посвятил изучению языка, фольклора и археологии осетинского народа. Рядом поездок в Осетию, наблюдениями над ее «живой стариной» и близостью с передовой осетинской интеллигенцией, деятельно помогающей ему в его научных изысканиях, Всеволод Федорович, незаметно для себя, начав как объективный исследователь, тесно связал себя с Осетией и ее высокоодаренным народом. Вся семья наша, начиная с 80 годов прошлого столетия, когда в нее вошел, как брат, покойный Соломон Алексеевич Тукаев, и до последних дней жизни Всеволода Федоровича, привыкла родствен-

но общаться с представителями осетинского народа.

Вот почему, еще раз принося нашу благодарность всем организаторам и участникам собрания 16 марта, мы вместе с тем искренне приветствуем то оживление духовной жизни осетинского народа, которое выразилось в возникновении в последние годы Осетинско-Филологического общества и в работах Северо-Кавказского Института Краеведения, в коих такое видное участие принимают осетины.

Мы просим передать наш искренний привет И.Т. Собиеву, Г.М. Кесаеву и И.М. Абаеву, личные воспоминания которых о покойном Всеволоде Федоровиче нас глубоко тронули.

*Евгения Викторовна Миллер
Борис Всеволодович Миллер
Виктор Всеволодович Миллер
Федор Всеволодович Миллер»*

*С подлинным верно:
Делопроизводитель А.Беме.*

Заканчивая этим свои воспоминания о Всеволоде Федоровиче Миллере, я говорю осетинское ему «Рохсаг уæд».

И.Т. Собиев

Печатается по: НА СОИГСИ. Фонд «Лингвистика». Оп. 1. Д. 110.